

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА АКЦЕССОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ.

Трухан Роман Петрович

Соискатель ученой степени кандидата юридических наук
629851, Россия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Пуровский район,
г. Тарко-Сале, микрорайон Геолог, 24, кв. 17

Надточий Светлана Олеговна

кандидат филологических наук
Доцент, кафедра иностранных языков
Воронежского института высоких технологий
394000, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Ленина, 73а, оф. 5
DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2021.2.67.439

АННОТАЦИЯ

Предметом статьи является изучение теоретико-правового аспекта развития института акцессорных обязательств. Рассматривается генезис категории «акцессорность» в римском праве, где выведена формула древних: действительность акцессорного правоотношения предопределена действительностью основного правоотношения, и была достаточно простой и лаконичной, нет основного обязательства - нет дополнительного. Раскрывается эволюция «акцессорности» в отечественном гражданском праве, заключающаяся в том, что: в дореволюционном гражданском праве теория обеспечения отклонилась от акцессорности в целях удобства для оборота обеспечительных обязательств; в советский период, в научном обороте укоренилось отождествление терминов «обеспечительное» и «акцессорное» обязательство; а на современном этапе развития теории акцессорности в Российском гражданском праве, понятие «акцессорность» отождествляется с обеспечительным обязательством.

Автор приходит к выводу о многоаспектности категории «акцессорность», заключающаяся в том, что в ходе развития права, понимание акцессорных обязательств претерпело существенные изменения, пройдя путь от восприятия акцессорности как некоего обязательства обеспечивающего возврат долга и передачи «принадлежности» к проданному товару, до ее отождествления с обеспечительными обязательствами в целом. Постепенно в правовой доктрине закрепило мнение о том, что свойством акцессорности обладают разные типы обязательств, а каждый из них имеет свои характерные черты и обладает своей спецификой. По мнению авторов статьи, дальнейшее развитие цивилистического учения об акцессорности обязательств будет способствовать окончательному закреплению дефиниции «акцессорность» в рамках российского гражданского права.

Ключевые слова: Акцессорность, обязательство, обеспечение, исполнение, придаточность, право, государство, цивилистика, институт, принцип, договор.

Keywords: Concessionality, obligation, security, fulfillment, adequacy, law, state, civilization, institution, principle, treaty.

Истоки акцессорных обязательств берут свое начало в римском праве, в рамках которого, помимо идеологического компонента, до настоящего времени влияющего на развитие государственно-правовых систем различных стран современного мира [15], были заложены основные принципы доктрины акцессорности. И это представляется не случайным. Детальная регламентация важнейших элементов гражданско-правовых отношений в римском праве служила средством борьбы с негативными явлениями в правовой сфере жизни общества [16]. Так, по мнению М. Казер, сам принцип акцессорности сложился в эпоху ранней Республики [27].

Изначально акцессорность в римском праве предполагала наличие дополнительного обязательства по гражданско-правовому договору, наряду с основным. При этом, известен принцип римского права относительно акцессорности: «in omnibus speciebus liberationum etiam accessiones liberantur, puta adpromissores hypothecate pignora» (Ульпиан). Иначе говоря, римская правовая

доктрина утверждала, что с прекращением основного обязательства прекращаются и дополнительные.

Для обеспечения обязательств римское право, предлагало два основных средства: ответственность должника могла гарантироваться другим лицом (поручительство) либо вещь (в основном посредством залога) [28. С. 457]. Древнейшей формой реального обеспечения являлась «fiducia», в силу которой должник передавал кредитору вещь в собственность до исполнения собственного обязательства [20. С. 274].

Институции Гая выделяли принцип функциональной дополнительной (акцессорности) гарантийного обязательства, который заключался в зависимости обязанности поручителя от самого существования основного обязательства. С прекращением последнего (исполнением или с наступлением невозможности исполнения) ответственность с гаранта, как правило, снималась (Gai., 3, 126) [11.С. 518].

В III в. до н.э. развивается еще одна форма вещного обеспечения – «*pignus datum*», или институт залога, если применять к его характеристике современные категории. Со II в. до н.э. развивается форма залога без передачи владения вещью кредитору – «*hypotheca*» [12. С. 525-526].

Довольно часто в римском праве встречается присоединение добавочного должника в форме так называемого «*adpromissio*». Основной целью такого присоединения является поручительство: за долг основного должника берет на себя ответственность другое лицо - поручитель.

Анализируя мнение высказанное Ульпианом в D. 46, 3, 43 («*In omnibus speciebus liberationum etiam accessiones liberantur, puta dpromissores hypothecate pignora*»), А.М. Покровский также соглашался с тем, что в римском праве в случае прекращения обязательств прекращались и дополнительные обязательства [18]. Отсюда, на наш взгляд, можно вывести характерную формулу римской правовой доктрины применительно к акцессорности: действительность акцессорного правоотношения предопределена действительностью основного правоотношения [см.: 21. С. 1-12]. Данная формула устанавливает достаточно прозрачное правило [30]: нет основного обязательства - нет и дополнительного.

Вторичная рецепция римского права, которая (с определенными оговорками) происходила в России уже в Новое время, закономерно привела к проникновению в российскую цивилистическую доктрину категории «акцессорность», хотя, первоначально, этого термина в российском праве мы не встречаем. Упоминание о ней, пожалуй впервые, в дореволюционной научной литературе можно встретить у Л.В. Гантовера (1882-1918 гг.), который составил подробный комментарий к проекту разработанного в те годы Вотчинного Устава.

Так, дефиниция «вещное право» применительно к объекту регулирования Устава заменялась в нем понятием «вотчинное право», куда и входило право залога. Согласно документу, отличие залога от других вотчинных прав заключалось в его несамостоятельности [9. С. 32], иначе говоря он имел исключительно акцессорное, дополнительное значение [23]. В целом, в отечественном гражданском праве дореволюционного периода залог рассматривался как дополнительное обязательство, обеспечивающее требование кредитора [8. С. 53]. В «Своде законов гражданских» он был помещен в раздел об обязательствах как способ обеспечения их исполнения. В связи с данным фактом, многие цивилисты той эпохи (например, Г.Ф. Шершеневич) придерживались именно «акцессорного» понимания в отношении залога, упоминая о невозможности обеспечения им будущих обязательств [22. С. 224].

Русскими дореволюционными цивилистами выделялся также институт обеспечения исполнения обязательства, в котором одним из способов

обеспечения его исполнения было возложение на должника дополнительных обременений на случай неисполнения им основного обязательства либо привлечение к исполнению обязательства наряду с должником и третьих лиц – так называемых поручителей.

Р.С. Бевзенко, анализируя едва ли не единственную «акцессорную» норму российского дореволюционного права (ст. 1554 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи), которая устанавливала, что «договоры и обязательства по обоюдному согласию могут быть укреплены и обеспечены: поручительством, условием неустойки, залогом имуществ недвижимых, залогом имуществ движимых», подчеркивает, что, несмотря на очевидные пробелы в правовом регулировании акцессорных обязательств, в стране к началу XX века сложилась богатая судебная практика применения этой нормы. Исследователь приходит к выводу о том, что «дореволюционная доктрина хотя и ссылалась на ст. 1554 Законов гражданских как на отправную точку в рассуждениях относительно природы обеспечения исполнения обязательств, но делала это, скорее, в качестве ритуала» [3. С. 232].

Вместе с тем, на этапе становления теории обеспечения в дореволюционном праве России, Покровский И.А. подчеркивал «негибкость» отечественной модели регулирования акцессорных обязательств и рассматривал в качестве примера для российского законодателя регулирование акцессорных обязательств в праве европейских государств (Германия, Швейцария, и др.) [19. С. 141]. Со своей стороны, К.Н. Анненков придерживался мнения о «придаточности» акцессорного обязательства лишь при наличии основного обязательства [1. С. 29]. Отметим, что эти идеи, получили свое применение в современном законодательной и судебной форме.

А.М. Нолькен, в свою очередь, рассматривал вопрос о возможности поручительства в том случае, если основное требование еще не возникло, иначе говоря, он считал возможным существование поручительства в отношении будущего требования. По мнению исследователя, поручительство считается действительным с момента заключения договора, порождающего обязанности поручителя, но не в момент наступления будущего требования. Важным, на его взгляд, было то, чтобы основное требование наступило, хотя и в неопределенном времени, и в этом случае требования к поручителю могли быть предъявлены уже со стороны кредитора [17. С. 100-101].

Бернштейн К.И. указывал на тождество основного и дополнительного обязательства. Он считал, что, если в совокупности альтернативное дополнительное обязательство обладает приоритетом по отношению к основному, то это соответствует принципу законности. По его мнению, когда основное обязательство является альтернативным, исходя из трактовки распространенного в цивилистике принципа тождественности, «то поручитель отвечает вещью,

которую должен был дать должник, это поручительство; если иным предметом – это не поручительство, а иной договор» [7. С. 290].

Таким образом, можно сделать вывод, что в русской дореволюционной теории обеспечения цивилисты зачастую высказывали полярные мнения об акцессорности. При этом ими, как правило, двигало стремление сделать регулирование правоотношений, вытекающих из обязательств, более «удобным».

Если публичное право советской эпохи строилось на новых, по сравнению с дореволюционными, идеологических концептах, то советская цивилистика (после реабилитации самого понятия «частное право», которое стало использоваться для характеристики социалистической правовой реальности) во многом продолжала традиции дореволюционной.

Так, в юридической литературе советского периода анализ понятия «обеспечение исполнения обязательства» обычно связывалось с обеспечительными мерами. Например, М.М. Агарков, характеризуя способы обеспечения исполнения обязательств, сформулированных в ГК РСФСР 1922 г., указывал, что «все они являются дополнительными в том смысле, что их существование предполагает действительность того основного требования, которое они обеспечивают. Но в остальном они могут обладать значительной самостоятельностью по отношению к основному обязательственному отношению» [2. С. 62].

Важно отметить, что данное смещение акцессорного обязательства и обеспечительного, было произведено еще германскими правоведом XIX века. Как следствие в подавляющем большинстве исследований акцессорные обязательства до настоящего времени раскрываются уже через призму обеспечительных обязательств. Такой подход к понятию акцессорности в российской правовой доктрине наделяет ее чертами сущностной и неперменной характеристики любого способа обеспечения. С данной позиции эти способы всегда закономерно акцессорны, по причине того, что возникают не сами по себе, а на базе и с целью обеспечения основного обязательства. Иначе говоря, акцессорность понимается как проявление функционального назначения обеспечения.

При этом советская наука гражданского права оказалась не чужда и некоторым новациям в исследовании феномена акцессорности. Например, в цивилистической литературе той эпохи, впервые был поставлен вопрос о сохранении акцессорных обязательств не только в рамках отношений «возникновения – прекращения», но и при изменении содержания основного требования. Был введен термин «новация», в результате которой все акцессорные меры должны прекращаться, как способ прекращения обязательств. Тем самым в советской цивилистической доктрине было разработано ещё одно «проявление» акцессорной связи, характеризующееся сохранением

дополнительных обязательств при изменении основного.

В данной связи М.М. Агарков говорил о проявлении «дополнительности» в том смысле, что существование обеспечительных обязательств предполагает действительность того основного требования, которое они обеспечивают [2. С. 57]. В остальном же, пояснял правовед, они могут быть вполне самостоятельными. Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что в советский период, в научном обороте укоренилось отождествление терминов «обеспечительное» и «акцессорное» обязательство [24. С. 776].

На современном этапе российские цивилисты также отмечают обеспечительный характер акцессорных обязательств. Так, Б.М. Гонгало относит акцессорные обязательства к способам обеспечения обязательств, где определяет их как «установленные законом или договором меры имущественного характера, существующие в виде акцессорных обязательств, стимулирующие должника к исполнению обязательства и (или) иным образом гарантирующие защиту имущественного интереса кредитора в случае неисправности должника» [10. С. 222].

А.С. Бакина указывает, что «акцессорное обязательство по своему характеру регулятивное, где существуют два регулятивных правоотношения – основное и дополнительное. При этом акцессорное обязательство имеет обеспечительный характер с точки зрения выполняемой им экономической функции» [5.С. 91].

Р.С. Бевзенко полагает неверным распространенное в российской науке утверждение об изучении того или иного обеспечительного института исходя из «акцессорности возникновения» или «акцессорности прекращения». В своей концепции автор рассматривает развитие акцессорности на всех этапах существования обязательства и характеризует особенности его практического воплощения через сочетание пяти элементов:

- 1) акцессорность возникновения;
- 2) акцессорность объема требования;
- 3) акцессорность следования за главным требованием;
- 4) акцессорность прекращения;
- 5) акцессорность в части возможности принудительного осуществления, вследствие чего правильно изучать указанные аспекты по отдельности друг от друга [4].

Предложенная Р.С. Бевзенко пятизвенная структура акцессорности – является давней разработкой немецких исследователей [29]. Тем не менее, она успешно была принята Российской цивилистикой.

В.С. Ем упоминает об акцессорности применительно к обеспечению обязательств [26. С. 84]. Так, на его взгляд, соглашение об установлении какого-либо из перечисленных способов обеспечения исполнения обязательств порождает принадлежностное, акцессорное

(obligationes accessoriae) обязательство, призванное обеспечить исполнение основного.

В.В. Витрянский и М.И. Брагинский в своем фундаментальном труде отразили особенности акцессорности через использование дефиниции «дополнительность» [6. С. 482]. При этом авторы нашли три основных проявления «дополнительности»: во-первых, это недействительность обеспечения при недействительности основного требования; во-вторых, следование обеспечения за главным обязательством при уступке требования по последнему; в-третьих, это прекращение обеспечения при прекращении обеспечиваемого им обязательства.

В свою очередь, В.П. Мозолина объясняет сущность акцессорного обязательства следующим образом: «Во-первых, оно обеспечивает фактически существующее, то есть не прекратившееся основное обязательство» [25. С. 275].

М.П. Крашенинников, анализируя отечественную правовую литературу, указывает на два признака акцессорных обязательств:

Первый – это обусловленность дополнительного обязательства основным. Данный факт означает, что возникновение акцессорного обязательства зависит от наличия так называемого основного обязательства, и содержание дополнительного обязательства связано с содержанием основного. Вторым признаком, определяющим акцессорность обязательства, является, по его мнению, «дополнительность» (зависимость). Акцессорное обязательство является зависимым по отношению к основному; при недействительности основного дополнительное также будет являться недействительным [14]. Следует отметить, что такой механизм закреплен главой 23 ГК РФ для акцессорных обязательств, рассматриваемых в качестве обеспечительных.

По мнению М.А. Егоровой, соглашение сторон об изменении или расторжении договора как правоотношения следует отнести к акцессорным (дополнительным) обязательствам [13]. М.П. Крашенинников отмечает также тенденцию рассматривать акцессорность преимущественно лишь в связи с гл. 23 ГК РФ. По мнению исследователя, такая традиция оставляет нерассмотренным значительное количество правоотношений, которые в той или иной степени можно назвать акцессорными.

Мы, со своей стороны, отметим, что на современном этапе развития теории акцессорности в российском гражданском праве, понятие «акцессорность» чаще всего отождествляется с обеспечительным обязательством.

На наш взгляд, дальнейшее развитие цивилистического учения об акцессорности обязательств будет способствовать окончательному закреплению дефиниции «акцессорность» в рамках российского гражданского права.

Литература:

1. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. III: Права обязательственные. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 29;
2. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 57, 62;
3. Бевзенко Р.С. Общие положения об обеспечении обязательств: комментарий реформы статьи 329 ГК РФ // О договорах: сб. ст. к юбилею В.В. Витрянского / сост. С.В. Сарбаш. М.: Статут, 2017. С. 232;
4. Бевзенко Р.С. Акцессорность обеспечительных обязательств. М.: Статут, 2013;
5. Бакин А.С. Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве РФ // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 339. С. 91-94;
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2008. С. 482;
7. Бернштейн К.И. Учение о разделительных обязательствах по римскому праву и новейшим законодательствам. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1871. С. 290;
8. Гуляев А.М. Русское гражданское право. Обзор действующего законодательства, кассационной практики Прав. сената и проекта Гражданского уложения. 4-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 53;
9. Гантовер Л.В. Залоговое право: Объяснения к положениям главы IV раздела I проекта Вotchинного устава. СПб.: Гос. тип., 1890. С. 32;
10. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. М.: Статут, 2002. С. 222;
11. Дождев Д.В. Римское частное право / Под ред. проф. В.С. Нерсесянца. 3-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА-М, 2008. С. 518;
12. Дождев Д.В. Римское частное право / Под ред. проф. В.С. Нерсесянца. 5-е изд., изм. и доп. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 525-526;
13. Егорова М.А. Акцессорность как существенный признак соглашений об изменении и расторжении договора // Туризм: право и экономика. 2007. № 5; 14. Крашенинников М.П. К вопросу об акцессорности. Семейное и жилищное право. 2012. № 2;
15. Новиков О.А. Институт Вселенских судов в Византии во второй половине XIV-XV веке // История государства и права. 2008. № 16. С. 34-35.
16. Новиков О.А. Об истоках правового нигилизма в общественном сознании Византийской империи / О.А. Новиков // Правовая наука и реформа юридического образования. 2007. № 21. С. 151.
17. Нолькен А.М. Учение о поручительстве по римскому праву и новейшим законодательствам. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1881. С. 100 - 101.
18. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Лань, 2013. 322 с. URL: <http://e.lanbook.com/book/36400> (дата обращения: 10.04.2021);

19. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Пг.: Изд. Юрид. Кн. Склада «Право», 1917. С. 141;
20. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: Учебник / Пер. с итал. И.И. Маханькова; под общ. ред. Д.В. Дождева. М.: Норма, 2000. С. 274;
21. Фролов А.И. Акцессорность как эффект функциональной производности гражданского правоотношения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 1-12;
22. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. М.: Спарк, 1995. С. 224;
23. Шеломенцева Е.А. Понятие акцессорности обеспечительных обязательств в сравнительно-правовом аспекте. Вестник гражданского права», 2015, № 3;
24. Гражданское право: учебник под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд. М.: Проспект, 2002. Т. 1. С. 776;
25. Гражданское право: В 2 частях / Отв. ред. В.П. Мозолин. Ч. 1. М., 2005. С. 275;
26. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2009. С. 84 (автор гл. 30 - В.С. Ем).
27. Kazer M. Das Römische Privatrecht. Bd. 1. C.H. Beck, 1971. S. 465 (цит. по: Steven A. Op. cit. P. 2);
28. Kaser M. Das Privatrecht. Erster Abschnitt: Das , das vorklassische und das klassische Recht. 2. Aufl. C.H. Beck, 1971. S. 457;
29. Medicus D. Durchblick: Die Akzessorietat im Zivilrecht // Juristische SAulung. 1971. 497 ff;
30. Zimmerman R. The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civil Tradition. Cape Town: Juta, 1992. 1238 p.